

Часть вторая “ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС”

Глава первая ПРИГОТОВЛЕНИЯ К НОВОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В предыдущих главах я проследил наступление советских армий к границам Польши и Венгрии. Заняв 20 октября Белград, русские возобновили свое наступление вверх по долине Дуная, но, чем дальше они продвигались по Венгерской равнине, тем ожесточеннее становилось сопротивление. 29 ноября они создали плацдарм по ту сторону Дуная в 80 милях ниже Будапешта и двинулись на север. К концу декабря столица Венгрии была окончательно окружена, и в течение шести недель в ней происходили самые ожесточенные за всю войну уличные бои. На берегах озера Балатон упорное сопротивление и ожесточенные контратаки немцев также остановили наступление русских до весны.

В Польше русские потратили осенние месяцы на наращивание своих сил после поразительных летних наступательных операций. В январе русские уже были готовы. Двинувшись на запад со своих плацдармов у Сандомира, они пересекли в конце месяца германскую границу и проникли в глубь обширного промышленного бассейна Верхней Силезии. Дальше на севере, форсировав Вислу по обе стороны Варшавы, они захватили 17 января город и, окружив Познань, устремились к нижнему течению Одера, а также к Штеттину и Данцигу. Одновременно, сметая все на своём пути, они занимали Восточную Пруссию с востока на юг. К концу января они захватили ее целиком, за исключением хорошо обороняемой крепости Кенигсберг. Здесь так же, как и в Данциге, гарнизон продолжал упорную, но безнадежную оборону до апреля. Немецкие войска, отрезанные в Курляндии, оставались там до самой капитуляции, так как Гитлер не позволял им уйти оттуда.

Советское верховное командование, располагавшее превосходящими силами в соотношении, вероятно, 3:1 на суше и господством в воздухе, применило стратегию, напоминающую окончательную победу Фоша в 1918 году. В результате целой серии сражений то здесь, то там на всем широком фронте образовывались один за другим прорывы, пока весь фронт не оказывался вынужденным отступить.

* * *

Кампания, которую мы сами вели на Западе, хотя и в меньших масштабах, также привела нас к границам Германии,

182

так что к концу января 1945 года гитлеровские армии по существу оказались зажатыми в границах своей собственной территории, если не считать их ненадежных позиций в Венгрии и Северной Италии. Там, как уже отмечалось, искусное, но безнадежно подорванное наступление Александра остановилось. В ноябре стратегическая и тактическая авиация начала продолжавшуюся шесть месяцев кампанию по разрушению железных дорог от самого рейха до Италии. В результате разрушения трансформаторных подстанций по большей части линии, проходящей через Бреннерский перевал, противник был вынужден перейти от электрической к паровой тяге, и переброска его подкреплений и материалов была сильно затруднена. Невозможно описать упорные ежедневные операции союзной тактической авиации, которой командовал генерал Кэннон,

непосредственно подчинявшийся главнокомандующему авиацией американскому генералу Экеру. Уничтожая силы противника, несмотря на скверную погоду, она оказала большую помощь осенней кампании. Однако освобождение Италии закончилось только весной. Таково было военное положение накануне предстоявшей конференции “трёх”.

* * *

Политическое положение, во всяком случае в Восточной Европе, было далеко не столь удовлетворительным. В Греции действительно было установлено равновесие, хотя и ненадёжное, и казалось, что довольно скоро там можно будет сформировать свободное демократическое правительство на основе всеобщего избирательного права и тайного голосования. Но Румыния и Болгария перешли во власть советской военной оккупации. Венгрия и Югославия стали полем сражений, а Польша, хотя и освобождённая от немцев, лишь сменила одного завоевателя на другого. Неофициальное и временное соглашение, достигнутое мною со Сталиным во время моей поездки в Москву в октябре, не могло иметь и, с моей точки зрения, никогда не имело своей целью определять или влиять на дальнейшую судьбу этих обширных районов после разгрома Германии.

Весь вопрос о форме и структуре послевоенной Европы требовал пересмотра. Как относиться к Германии после того, как нацисты будут побеждены? Какой помощи можно ждать от Советского Союза для окончательного разгрома Японии? А когда кончится война, какие меры и какую организацию смогут предложить три великих союзника для обеспечения будущего мира и правильного управления всем миром? Переговоры в Думбартон-Оксе закончились разногласиями. Точно так же, правда в более узкой, но не менее важной форме, закончились

183

переговоры между опекаемыми Советами “люблинскими поляками” и их соотечественниками из Лондона, на которые Иден и я с таким трудом добились согласия во время нашей поездки в Кремль в октябре 1944 года. Безрезультатная переписка между президентом и Сталиным, о которой меня постоянно информировал Рузвельт, сопутствовала разрыву Миколайчика с его лондонскими коллегами, а 5 января, вопреки желаниям Соединённых Штатов и Англии, Советы признали люблинский комитет в качестве Временного правительства Польши.

* * *

Президент уже сообщил мне о письмах, которыми он обменялся со Сталиным. Вот они:

Маршал Сталин — президенту Рузвельту

27 декабря 1944 года

“...Ряд фактов, имевших место за время после последнего посещения г-ном Миколайчиком Москвы, и, в частности, радиопереписка с правительством Миколайчика, перехваченная нами у арестованных в Польше террористов — подпольных агентов польского эмигрантского правительства, со всей очевидностью доказывают, что переговоры г-на Миколайчика с Польским Национальным Комитетом служили прикрытием для тех элементов, которые вели из-за спины Миколайчика преступную террористическую работу против

советских офицеров и солдат на территории Польши. Мы не можем мириться с таким положением, когда террористы, подстрекаемые польскими эмигрантами, убивают в Польше солдат и офицеров Красной Армии, ведут преступную борьбу против освобождающих Польшу советских войск и прямо помогают нашим врагам, союзниками которых они фактически являются. Замена Миколайчика Арцишевским и вообще министерские перестановки в польском эмигрантском правительстве еще больше ухудшили положение и создали пропасть между Польшей и эмигрантским правительством.

Между тем Польский Национальный Комитет добился серьезных успехов в укреплении польского государства и аппарата государственной власти на территории Польши, в расширении и укреплении Польского Войска, в практическом проведении ряда важных государственных мероприятий, и в первую очередь земельной реформы в пользу крестьян. Все это привело к консолидации демократических сил Польши и к сильному укреплению авторитета Национального Комитета среди широких польских народных масс в Польше и среди широких общественных кругов за границей.

184

Мне представляется, что теперь мы должны быть заинтересованы в том, чтобы поддержать Польский Национальный Комитет и всех тех, кто хочет и способен работать вместе с ним, что особенно важно для союзников и для решения нашей общей задачи — ускорения разгрома гитлеровской Германии. Для Советского Союза, выносящего на себе всю тяжесть борьбы за освобождение Польши от немецких захватчиков, вопрос о взаимоотношениях с Польшей в данных условиях является делом повседневных, тесных и дружественных отношений с властью, которая создана польским народом на своей земле и которая уже окрепла и имеет свое войско, ведущее вместе с Красной Армией борьбу против немцев.

Я должен откровенно сказать, что если Польский Комитет Национального Освобождения преобразуется во Временное Польское Правительство, то ввиду сказанного выше у Советского правительства не будет серьезных оснований откладывать вопрос о его признании. Следует иметь в виду, что в укреплении просоюзнической и демократической Польши Советский Союз заинтересован больше, чем любая другая держава, не только потому, что Советский Союз несёт главную тяжесть борьбы за освобождение Польши, но и потому, что Польша является пограничным с Советским Союзом государством и проблема Польши неотделима от проблемы безопасности Советского Союза. К этому надо добавить, что успехи Красной Армии в Польше в борьбе с немцами во многом зависят от наличия спокойного и надёжного тыла в Польше, причём Польский Национальный Комитет вполне учитывает это обстоятельство, тогда как эмигрантское правительство и его подпольные агенты своими террористическими действиями создают угрозу гражданской войны в тылу Красной Армии и противодействуют успехам последней.

С другой стороны, при создавшихся в Польше условиях нет оснований для продолжения политики поддержки эмигрантского правительства, которое потеряло всякое доверие у польского населения в стране и к тому же создаёт угрозу гражданской войны в тылу Красной Армии, нарушая тем самым наши

общие интересы успешной борьбы с немцами. Я думаю, что было бы естественно, справедливо и выгодно для нашего общего дела, если бы правительства союзных держав в качестве первого шага пошли теперь же на обмен представителями с Польским Национальным Комитетом с тем, чтобы через некоторое время признали его законным правительством Польши после того, как Национальный Комитет преобразуется во Временное правительство Польши. В противном случае я боюсь, что доверие польского народа к союзным державам может ослабнуть. Я думаю, что мы не можем допустить, чтобы польский народ мог сказать, что мы отдаём интересы Польши в жертву интересам кучки польских эмигрантов в Лондоне”.

185

Рузвельт сообщил мне о своём ответе.

Президент Рузвельт — премьер-министру

30 декабря 1944 года

“Сегодня я послал следующее письмо Сталину. Вы увидите, что мы идём в ногу с Вами.

“Я должен сообщить Вам, что я обеспокоен и глубоко разочарован Вашим посланием от 27 декабря относительно Польши, в котором Вы сообщаете мне, что Вы не считаете для себя возможным откладывать вопрос о признании Люблинского Комитета в качестве Временного правительства до того времени, когда мы смогли бы основательно обсудить весь вопрос во время нашей встречи. Мне кажется, что ни Вашему правительству, ни Вашим армиям не было бы причинено серьёзных неудобств, если бы Вы отложили чисто юридический акт признания на короткий срок в один месяц, остающийся до нашей встречи.

В моей просьбе не было предложения о том, чтобы Вы ограничились Ваши деловые отношения с Люблинским Комитетом, как не было и мысли о том, чтобы Вы имели дело с лондонским правительством в его нынешнем составе или признали бы его. Я настоятельно просил Вас об этой отсрочке ввиду того, что Вы поймёте, как я думаю, какое в высшей степени неблагоприятное и даже серьёзное действие на мировое общественное мнение и на моральное состояние противника в этот момент войны оказало бы официальное признание Вашим правительством одного правительства Польши, в то время как большинство других Объединённых Наций, включая Великобританию и Соединённые Штаты, продолжает признавать польское правительство в Лондоне и поддерживать с ним дипломатические отношения.

С такой же откровенностью, как и Вы, я должен сообщить Вам, что я не вижу перспектив того, чтобы правительство Соединённых Штатов последовало этому и перевело бы свое признание с лондонского правительства на Люблинский Комитет в его нынешней форме. Это никоим образом не объясняется какими-либо особыми связями с правительством в Лондоне или чувствами к нему. Дело в том, что пока ни правительство, ни народ Соединённых Штатов не видели какого-либо доказательства, вытекавшего либо из способа его создания, либо из последующих событий, которое оправдывало бы тот вывод, что Люблинский Комитет в том виде, как он учреждён сейчас, представляет народ Польши. Я не могу игнорировать тот факт, что пока лишь небольшая часть собственно Польши, лежащая к западу от линии Керзона, освобождена от германской

тирании и поэтому неоспоримой истиной является то, что польскому народу не было предоставлено возможности высказаться в отношении Люблинского Комитета.

186

Если когда-либо в будущем после освобождения Польши будет учреждено Временное правительство Польши, пользующееся всенародной поддержкой, позиция правительства Соединённых Штатов, конечно, будет определяться решением польского народа.

Я полностью разделяю Ваше мнение, что положение ухудшилось в результате ухода г-на Миколайчика из правительства в Лондоне. Я всегда считал, что г-н Миколайчик, который, как я убеждён, искренне стремится к решению всех вопросов, остающихся не решёнными между Советским Союзом и Польшей, является единственным польским деятелем на примете, который, кажется, может обеспечить подлинное решение трудного и опасного польского вопроса. Ввиду моего личного знакомства с г-ном Миколайчиком и моих бесед с ним, когда он был здесь, в Вашингтоне, и его усилий и линии поведения впоследствии, во время его пребывания в Москве, мне крайне трудно поверить, чтобы он знал о каких-либо инструкциях в отношении террористических актов.

Это послание направляется Вам с тем, чтобы Вы знали позицию правительства Соединённых Штатов в отношении признания в настоящее время Люблинского Комитета в качестве Временного правительства Польши. Сейчас я более чем когда-либо раньше убеждён, что, когда мы втроём встретимся, мы сможем достичь решения польской проблемы, и я поэтому по-прежнему надеюсь, что Вы отложите до этого времени официальное признание Люблинского Комитета в качестве правительства Польши. Я не вижу, чтобы с военной точки зрения были бы какие-либо большие возражения в отношении отсрочки на один месяц””.

Сталин ответил:

Маршал Сталин — президенту Рузвельту

1 января 1945 года

“Ваше послание от 31 декабря получил.

Я весьма жалею, что не сумел убедить Вас в правильности позиции Советского правительства по польскому вопросу. Тем не менее, я надеюсь, что события убедят Вас, что Польский Национальный Комитет все время оказывал и продолжает оказывать союзникам, в частности Красной Армии, важное содействие в борьбе против гитлеровской Германии, в то время как эмигрантское правительство в Лондоне вносит дезорганизацию в эту борьбу и тем самым помогает немцам.

Конечно, мне вполне понятно Ваше предложение отложить на месяц признание Временного правительства Польши Советским Союзом. Но здесь имеет место одно обстоятельство, ко

187

торое делает меня бессильным выполнить Ваше пожелание. Дело в том, что 27 декабря Президиум Верховного Совета СССР на соответствующий запрос поляков уже сообщил, что он намерен признать Временное правительство

Польши, как только оно будет сформировано. Это обстоятельство делает меня бессильным выполнить Ваше пожелание.

Разрешите поздравить Вас с Новым годом и пожелать Вам здоровья и успехов”.

* * *

Теперь я получил послание по вопросу о Польше непосредственно от самого Сталина.

Маршал Сталин — премьер-министру

4 января 1945 года

“1. Вы, конечно, уже знаете, что Польский Национальный Совет в Люблине принял и опубликовал решение о преобразовании Польского Комитета Национального Освобождения во Временное Национальное Правительство Польской Республики. Вам хорошо известно наше отношение к Польскому Национальному Комитету, который, по нашему мнению, приобрёл уже большой авторитет в Польше и является законным выразителем воли польского народа. Преобразование Польского Национального Комитета во Временное правительство нам представляется вполне назревшим, особенно после того, как Миколайчик ушёл из состава эмигрантского польского правительства и последнее лишилось тем самым всякого подобия правительства. Я думаю, что нельзя оставлять Польшу без правительства. В соответствии с этим Советское правительство дало согласие признать Временное польское правительство.

Я очень жалею, что мне не удалось полностью убедить Вас в правильности позиции Советского правительства по польскому вопросу. Но я все же надеюсь, что дальнейшие события покажут, что наше признание польского правительства в Люблине отвечает интересам общего дела союзников и содействует ускорению разгрома Германии.

Прилагаю для Вашего сведения два моих послания президенту по польскому вопросу.

2. Мне известно о том, что президент имеет Ваше согласие на встречу нас троих в конце этого месяца или в начале февраля. Я буду рад видеть Вас и президента на территории нашей страны и надеюсь на успех нашей совместной работы.

Пользуюсь случаем, чтобы поздравить Вас с Новым годом и пожелать Вам наилучшего здоровья и успехов”.

188

Мне казалось, что дальнейшая переписка вряд ли принесёт большую пользу. Только личная встреча давала надежду.

Премьер-министр — маршалу Сталину

5 января 1945 года

“...Благодарю Вас за присланные Вами два послания на имя президента по польскому вопросу. Конечно, я и мои коллеги по Военному кабинету огорчены тем оборотом, который принимают события. Я вполне понимаю, что самое лучшее — это встретиться нам троим вместе и обсудить все эти дела не только как изолированные проблемы, но в связи с общей международной обстановкой как в отношении войны, так и перехода к миру. Тем временем наша позиция, как она Вам известна, остаётся неизменной...”

* * *

Президент был полностью убеждён в необходимости новой встречи “трёх”, переговоры о которой шли уже в течение некоторого времени. Затем последовала обычная дискуссия о месте встречи. “Если Сталин не может встретиться с нами в Средиземном море, — сказал президент, — я готов приехать в Крым и встретиться в Ялте, которая кажется мне самым подходящим местом на Чёрном море, поскольку там наилучшие помещения на побережье и самая надёжная лётная погода. Моя группа будет такой же, как группа, сопровождавшая меня в Тегеран, — примерно тридцать пять человек. Я все еще надеюсь, что военное положение позволит маршалу Сталину встретить нас на полпути”.

Я ответил:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

29 декабря 1944 года

“Посылаю Вам доклад морского министерства о Ялте. Если будет решено выбрать это место, было бы хорошо иметь несколько эсминцев, на которых мы могли бы жить в случае необходимости. Нам не трудно будет вылететь с большой авиационной базы и метеорологического центра в Казерте. Я лично делал посадку на “Йорке” в Симферополе. Однако я полагаю, что Сталин приготовит нам хорошие условия на побережье. Постараемся, чтобы наша группа была как можно меньшей. Думаю, что мы должны рассчитывать на конец января”.

31 декабря я телеграфировал: “Придумали ли Вы, как назвать эту операцию? Если нет, я предлагаю “Аргонавт”. Это название имеет локальный, но отнюдь не отрицательный оттенок”.

189

Президент Рузвельт — премьер-министру

2 января 1945 года

“Ваше предложение относительно “Аргонавта” принято. Ведь мы с Вами — прямые потомки”.

* * *

Лорд Галифакс сообщил из Вашингтона, что он видел президента за день до этого и, по его мнению, он “выглядел не слишком хорошо”. Но Рузвельт сказал ему, что он чувствует себя прекрасно и многого ждёт от нашей встречи. Он сказал, что, по его мнению, наши действия в Греции имели колоссальное значение и он весьма сожалеет о том, что не может заехать по дороге в Англию. Его тревожили атаки японских летчиков-смертников на Тихом океане, из-за которых на одного японца постоянно погибало 40—50 американцев. Президент не очень надеялся на скорое окончание той или другой войны.

Это замечание и другие соображения вызвали у меня желание договориться о совещании объединённого англо-американского штаба, на котором мы оба могли бы либо председательствовать, либо просто присутствовать перед нашей встречей со Сталиным. Поэтому я послал следующую телеграмму:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

5 января 1945 года

“Не можете ли Вы провести два-три вечера на Мальте и предоставить начальникам штабов возможность побеседовать, не привлекая к себе внимания? Эйзенхауэр и Александер также могли бы присутствовать там. Мы считаем

очень важным обсуждение некоторых вопросов, не затрагивающих русских, например вопрос о Японии, а также о дальнейшем использовании итальянских армий. Вам достаточно сказать слово, и мы сможем все подготовить”.

Сначала президент не считал для нас возможным провести предварительное совещание на Мальте. Он сказал, что, если погода на море будет благоприятной, он сможет быть там ко 2 февраля и ему придётся продолжить свой путь в тот же день, чтобы не нарушить договорённости о сроках со Сталиным. Тем не менее, я настаивал на своём предложении. Начальникам английских и американских штабов было крайне необходимо посоветоваться до того, как мы приедем в Ялту, и я надеялся, что руководители этих штабов сумеют прибыть на Мальту за два-три дня до нас и обсудить вместе военные вопросы. Я надеялся, что президент пригласит Эйзенхауэра, если

190

на фронте смогут обойтись без него, и я хотел, чтобы приехал также и Александер.

* * *

29 января я вылетел с аэродрома Нортхолт на “скаймастере”. На Мальту мы прилетели перед самым рассветом 30 января.

2 февраля утром группа президента прибыла на американском корабле “Куинси” в гавань Валетта. В 6 часов вечера в каюте президента состоялась наша первая официальная встреча. Здесь мы просмотрели доклад объединённого англо-американского штаба и подвели итог военным переговорам, происходившим на Мальте в предыдущие три дня. Наши штабы проделали замечательную работу. Их переговоры касались главным образом разработанного Эйзенхауэром плана переброски его сил к Рейну и форсирования Рейна. Мы, конечно, воспользовались возможностью, чтобы сделать обзор всего хода войны, включая войну против немецких подводных лодок, будущие кампании в Юго-Восточной Азии и в районе Тихого океана, а также положение на Средиземном море. Мы неохотно согласились вывести наши две дивизии из Греции, как только там можно будет обойтись без них. Я дал ясно понять, что мы не будем обязаны этого делать до тех пор, пока греческое правительство не создаст свои собственные вооружённые силы. Три дивизии надлежало также вывести из Италии, чтобы укрепить положение в Северо-Западной Европе, но я подчеркнул, что было бы неразумно отзывать значительные силы десантных частей. Очень важно было решительно воспользоваться любой капитуляцией немцев в Италии, и я сказал президенту, что мы должны занять как можно большую часть Австрии, так как “нежелательно, чтобы русские оккупировали в Западной Европе больше того, что необходимо”. По всем этим военным вопросам была достигнута значительная степень согласия, и переговоры оказались полезными, поскольку члены объединённого англо-американского штаба познакомились со взглядами друг друга, прежде чем начать переговоры со своими русскими коллегами.

В этот вечер мы все вместе пообедали на “Куинси” и обсудили в неофициальной обстановке результаты переговоров, происходивших в предыдущие дни между Иденом и Стеттиниусом по политическим вопросам, которые должны были быть поставлены в Ялте. В эту ночь началось “великое переселение”. Группа в “тридцать пять”, о которой ранее говорил президент, была обеими сторонами

увеличена раз в десять. Транспортные самолеты поднимались с аэродрома через каждые 10 минут, чтобы переправить в Крым, на расстояние примерно 1400 миль, около 700 человек, входивших в английскую и американскую делегации. Там еще за два месяца до этого

191

были расквартированы части английской авиации для подготовки технической стороны дела. Я забрался в свой самолет после обеда и лёг спать. После продолжительного полета в холодную погоду мы приземлились на аэродроме, покрытом глубоким снегом. Мы инспектировали почетный караул: президент — сидя в открытой машине, а я — шагая рядом с ней. Потом наша группа направилась в большой шатёр, чтобы подкрепиться вместе с Молотовым и членами русской делегации, которые приехали нас встречать.

Затем мы двинулись в длинное путешествие из Сак в Ялту.

На путешествие ушло почти восемь часов. Вдоль дороги мы часто видели выстроенных русских солдат (в том числе и женщин), стоявших отдельными отрядами плечом к плечу на улицах селений, на главных мостах, в горных ущельях. Когда мы пересекли горы и спустились к Чёрному морю, мы внезапно ощутили тепло, яркий солнечный свет. Климат здесь очень мягкий.

Глава вторая

ЯЛТА: ПЛАНЫ УСТАНОВЛЕНИЯ МИРА ВО ВСЕМ МИРЕ

Советская штаб-квартира в Ялте была расположена в Юсуповском дворце. Из этого центра Сталин, Молотов и их генералы управляли Россией и руководили своим колоссальным фронтом, на котором происходили в это время самые ожесточенные бои. Президенту Рузвельту был предоставлен еще более роскошный, Ливадийский дворец, находившийся поблизости, и именно здесь, чтобы избавить его от физических неудобств, происходили все пленарные заседания. Это были единственные неразрушенные здания в Ялте. Мне и ведущим членам английской делегации была предоставлена большая вилла, примерно на расстоянии пяти миль отсюда, построенная в начале XIX столетия английским архитектором для русского графа Воронцова, бывшего некогда послом императора при английском дворе. Остальных членов нашей делегации разместили в двух домах отдыха, примерно в 20 минутах хода от нас, где они, включая высокопоставленных офицеров, спали по пять-шесть человек в комнате, но на это, казалось, никто не обращал внимания. Немцы эвакуировали окружающий район только за десять месяцев до нашего приезда, и все здания в округе были сильно разрушены.

Наши хозяева сделали все возможное, чтобы создать нам комфорт, и любезно принимали к сведению любое, даже случайное замечание. Однажды Портал¹ пришел в восторг, увидев

¹ Главнокомандующий ВВС Англии. — Примеч. ред.

192

большой стеклянный аквариум, в котором росли растения, но заметил, что там нет ни одной рыбки. Два дня спустя сюда была доставлена целая партия золотых рыбок. В другой раз кто-то случайно сказал, что в коктейле нет лимонных

корочек. На следующий день в холле выросло лимонное дерево, отягощённое плодами. И все это, вероятно, приходилось доставлять издалека на самолетах.

* * *

4 февраля, в 3 часа дня (на следующий день после нашего прибытия) меня посетил Сталин, и мы дружески беседовали о войне против Германии. Он был настроен оптимистически. Германии не хватало хлеба и угля; ее транспорт был серьезно разрушен. Я спросил, что сделают русские, если Гитлер переберётся на юг, скажем в Дрезден. “Мы последуем за ним”, — ответил Сталин. Затем он сказал, что Одер больше не является препятствием, так как Красной Армии уже удалось захватить на противоположном берегу несколько плацдармов, а немцы используют для его обороны неподготовленное, плохо руководимое и плохо вооружённое народное ополчение. Они надеялись отозвать регулярные войска с Вислы и использовать их для обороны реки, но русские танковые части обошли их. Теперь у них имеется только мобильный, или стратегический, резерв из 20 или 30 плохо обученных дивизий. У них имеется несколько хороших дивизий в Дании, Норвегии, Италии и на Западе, но в целом их фронт прорван, и они лишь стараются заделать дыры.

Когда я спросил Сталина, что он думает о наступлении Рундштедта против американцев, он назвал это глупым маневром, который причинил Германии вред и был предпринят ради престижа. Военная машина Германии сломана, и такими средствами ее не исправить. Лучшие генералы потеряны; остался только Гудериан, да и тот авантюрист. Если бы германские дивизии, отрезанные в Восточной Пруссии, были своевременно выведены, их можно было бы использовать для обороны Берлина. Но немцы ведут себя глупо. У них все еще имеется 11 танковых дивизий в Будапеште, но они так и не поняли, что не являются больше мировой державой и не могут держать войска там, где им заблагорассудится. В свое время они поймут это, но тоща уже будет слишком поздно.

Затем я показал ему свою уже полностью оборудованную комнату оперативной обстановки на фронте. Охарактеризовав наше положение на Западе, я попросил фельдмаршала Александера разъяснить, что происходит в Италии. Замечания Сталина были интересны. Немцы вряд ли предпримут атаку против нас. Не можем ли мы оставить на фронте несколько английских дивизий, а остальные перебросить в Югославию и Венгрию и на-

193

править их на Вену? Здесь они могли бы, присоединившись к Красной Армии, обойти с фланга немцев, которые находились южнее Альп. Он добавил, что нам, возможно, потребуются значительные силы. Ему ничего не стоило сказать это сейчас, но я не бросил ему никакого упрёка.

“Красная Армия, — ответил я, — возможно, не даст нам времени закончить операцию”.

* * *

В 5 часов президент, Сталин и я встретились, чтобы сделать обзор военного положения и, в частности, русского наступления на Восточном фронте. Мы услышали подробный отчет о продвижении русской армии и наметили план предстоящих переговоров между начальниками наших штабов. Я заявил, что

один из вопросов, которые нам следует обсудить, заключается в том, сколько времени потребуется противнику, чтобы перебросить восемь дивизий из Италии на русский фронт и какие контрдействия мы должны предпринять. Быть может, нам следует перебросить дивизии из Северной Италии, чтобы укрепить наши наступающие войска в других местах? Другой вопрос состоял в том, должны ли мы стремиться нанести удар в верхней части Адриатического моря через Люблянский перевал и соединиться с русским левым флангом.

Обстановка нашей встречи была самой сердечной. Генерал Маршалл сделал блестящий сжатый отчёт об англо-американских операциях на Западе. Сталин заявил, что январское наступление русских было предпринято во исполнение морального долга и совершенно независимо от решений, принятых в Тегеране. Теперь он спрашивает, чем он может помочь в дальнейшем. Я ответил, что как раз сейчас собрались вместе представители трёх штабов и они могут рассмотреть весь вопрос о военной координации между союзниками.

* * *

Первое пленарное заседание конференции началось днём 5 февраля, в четверть пятого. Мы собрались в Ливадийском дворце и заняли наши места за круглым столом. Вместе с тремя переводчиками нас было 23 человека. Со Сталиным и Молотовым были Вышинский, Майский, русский посол в Лондоне Гусев и русский посол в Вашингтоне Громько. Переводил Павлов. Американскую делегацию возглавляли президент Рузвельт и Стеттиниус. В нее входили также адмирал Леги, Бирнс, Гарриман, Гопкинс, руководитель европейского отдела в государственном департаменте Мэттьюс и специальный помощник из государственного департамента Болен, который также переводил. Иден
194

сидел рядом со мной. В мою группу входили Александр Кадоган, Эдуард Бриджес, наш посол в Москве Арчибальд Кларк Керр. Переводил для нас, как и всегда со времени моей первой встречи со Сталиным в Москве в 1942 году, майор Бирс.

Переговоры начались с обсуждения вопроса о будущем Германии. Я уже, конечно, обдумал эту проблему и еще месяц назад написал по этому вопросу следующую записку Идену:

Премьер-министр — министру иностранных дел

4 января 1945 года

“1. Обращение с Германией после войны. Нам еще слишком рано решать эти колоссальные вопросы. Когда организованное сопротивление немцев прекратится, первая стадия будет, очевидно, стадией жестокого военного контроля. Она вполне может продлиться много месяцев или, быть может, год-два, если немецкое подпольное движение будет действовать активно.

2. Нам еще предстоит урегулировать практические вопросы раздела Германии, решить вопрос об отношении к промышленности Рура и Саара и т. д. Эти вопросы, возможно, будут затронуты на нашем предстоящем совещании, но я сомневаюсь, будет ли на нем достигнуто какое-либо окончательное решение. Никто не может сказать сейчас, каково будет положение Европы, как сложатся отношения между великими державами и каково будет настроение их народов”.

Теперь Сталин спрашивал, как нужно будет расчленить Германию. Будем ли мы иметь одно или несколько правительств или же только какую-то форму администрации? Если Гитлер безоговорочно капитулирует, сохраним ли мы его правительство или откажемся иметь с ним дело? В Тегеране Рузвельт предложил разделить Германию на пять частей, и Сталин с ним согласился. Я, с другой стороны, колебался и хотел, чтобы она была разделена лишь на две части, а именно: Пруссию и Австрию — Баварию, с тем чтобы Рур и Вестфалия находились под международным контролем. Теперь, сказал Сталин, настало время принять окончательное решение.

Я сказал, что мы все договорились о том, что Германия должна быть расчленена, но практическое осуществление ее раздела — слишком сложное дело, чтобы о нем можно было договориться за пять или шесть дней. Это потребовало бы весьма тщательного изучения исторических, этнографических и экономических факторов, а также продолжительного изучения вопроса специальным комитетом, который рассмотрел бы различные предложения и представил бы по ним рекомендации. Нужно сейчас же создать орган для изучения этих вопросов,

195

и, прежде чем прийти к какому-то окончательному решению, мы должны иметь его доклад.

Затем я высказал предположения относительно будущего. Ясно, что если Гитлер или Гиммлер предложат безоговорочную капитуляцию, мы должны ответить, что не станем вести переговоры ни с кем из военных преступников. Если они окажутся единственными людьми, которых немцы могут предложить, мы должны продолжать войну. Более вероятно, что Гитлер и его коллеги либо будут убиты, либо исчезнут и безоговорочную капитуляцию предложат другие люди. Если это произойдет, три великие державы должны немедленно проконсультироваться и решить, есть ли смысл иметь с ними дело. Если да, то им нужно будет немедленно предложить разработанные условия капитуляции; если нет — продолжать войну и поставить всю страну под контроль строгой военной администрации.

Рузвельт предложил попросить наших министров иностранных дел разработать за сутки план изучения этого вопроса, а через месяц представить конкретный план расчленения. На этом вопрос был на время остановлен.

Обсуждались также, но не были разрешены другие вопросы. Президент спросил, следует ли предоставить французам зону оккупации в Германии. Мы решили, что это, бесспорно, следует сделать, выделив им часть английской и американской зон, и что министры иностранных дел должны подумать о том, как этот район будет управляться.

Затем по просьбе Сталина Майский изложил русский план взимания с Германии репараций и демонтажа ее военных предприятий. Я сказал, что опыт прошлой войны оказался весьма печальным и я не верю в возможность получения с Германии чего-либо похожего на ту сумму, которую, как сказал Майский, она должна выплатить одной только России. Англия также сильно пострадала. Разрушено много зданий. Мы потеряли значительную часть наших капиталовложений в других странах и столкнулись с проблемой — как увеличить наш экспорт настолько, чтобы оплачивать импорт продовольствия, от

которого мы зависим. Я сомневался в том, чтобы это бремя можно было значительно облегчить с помощью германских репараций.

Другие страны также пострадали, и это нужно будет учесть. Что произойдет, если Германия будет обречена на голод? Намерены ли мы стоять сложа руки в стороне и говорить, что она этого заслужила? Или же мы собираемся кормить немцев, а если так, то кто будет платить? Сталин сказал, что эти вопросы так или иначе возникнут. А я ответил, что если хотят, чтобы лошадь тащила телегу, ей нужно давать немного сена. В конечном счёте мы договорились о том, что русское предложение будет изучено специальной комиссией, которая будет секретно работать в Москве.

196

Мы договорились также встретиться на следующий день и рассмотреть два вопроса, которые должны были занять главное место в наших дальнейших переговорах, а именно — разработанный в Думбартон-Оксе план обеспечения международной безопасности и вопрос о Польше.

* * *

На этом первом заседании Рузвельт сделал важнейшее заявление. Он сказал, что Соединённые Штаты примут все разумные меры, чтобы сохранить мир, но не ценой содержания большой армии в Европе на расстоянии трёх тысяч миль от Соединённых Штатов. Поэтому американская оккупация ограничится только двумя годами. У меня возникли тревожные вопросы. Если американцы покинут Европу, Англия должна будет одна, без посторонней помощи, оккупировать всю западную часть Германии. Такая задача была бы нам далеко не по силам.

Поэтому в начале нашего второго заседания, 6 февраля, я стал настаивать на том, что французы должны разделить с нами это тяжкое бремя. Предоставление Франции зоны оккупации отнюдь не решало вопроса. Германия, бесспорно, снова поднимется, и в то время, как американцы могут в любой момент уйти к себе домой, французам придётся жить с ней по соседству. Сильная Франция жизненно необходима не только для Европы, но и для Англии. Только она одна может не допустить создания пусковых станций реактивных снарядов на побережье Ла-Манша и сформировать армию для сдерживания немцев.

Затем мы перешли к международной организации по поддержанию мира. Президент заявил, что в Соединённых Штатах общественное мнение имеет решающее значение. Если можно будет прийти к согласию относительно предложений, выдвинутых в Думбартон-Оксе, или подобного рода предложений, его страна, вероятно, примет активное участие в установлении мира во всем мире, ибо идея создания такой международной организации встречает в Соединённых Штатах большую поддержку. Но, как уже отмечалось в одной из предыдущих глав, конференция в Думбартон-Оксе закончилась, так и не достигнув никакого соглашения по важнейшему вопросу — о процедуре голосования в Совете Безопасности.

5 декабря 1944 года президент сделал Сталину и мне следующие новые предложения: каждый член Совета должен иметь один голос. Для принятия какого-либо решения за него должны голосовать семь членов. Этого будет достаточно для деталей процедуры. Все крупные вопросы, такие, как принятие или исключение отдельных государств из организации, подавление и

лосов всех постоянных членов Совета. Иными словами, Совет Безопасности фактически бессилен, если нет единогласия “большой четвёрки”. Если Соединённые Штаты, СССР, Великобритания или Китай не согласны, тогда любая из этих стран может отказать в своём согласии и помешать Совету предпринять что-либо. Это было правом вето.

В предложениях Рузвельта содержалось еще одно уточнение. Конфликт может быть урегулирован мирными методами. В этом случае потребовалось бы семь голосов и единогласное решение всех постоянных членов, то есть “большой четвёрки”. Но если кто-либо из членов Совета, включая “большую четвёрку”, участвует в конфликте, он может обсуждать решение, но не может принимать участия в голосовании. Таков был план, изложенный Стеттиниусом на этом втором заседании 6 февраля.

* * *

Сталин заявил, что изучит предложение и посмотрит, в состоянии ли он понять его, но пока оно не совсем ясно. Он опасается, что, хотя три великие державы являются в настоящее время союзниками и ни одна из них не совершит никакого акта агрессии, лет через десять или меньше три нынешних руководителя исчезнут и к власти придёт новое, не обладающее опытом войны поколение, которое забудет о том, что мы испытали. “Все мы, — сказал он, — хотим обеспечить мир, по крайней мере, лет на пятьдесят. Величайшая опасность — это конфликт между нами самими, ибо если мы останемся едиными, германская угроза не будет особенно серьёзной. Поэтому мы должны сейчас подумать о том, как обеспечить наше единство в будущем и как гарантировать, чтобы три великие державы (а возможно, также Китай и Франция) сохранили единый фронт. Должна быть разработана какая-то система, которая предотвратила бы конфликт между главными великими державами”.

Затем он выразил сожаление по поводу того, что другие дела мешали ему до сих пор изучить американский план в деталях. Как он понял, это предложение делит все конфликты на две категории — во-первых, те, которые требуют санкций, будь то экономических, политических или военных, и, во-вторых, те, которые можно урегулировать мирными средствами. Обе категории будут всесторонне обсуждены. Санкции могут быть применены лишь в случае единогласия постоянных членов Совета, и если один из этих членов Совета сам причастен к конфликту, тогда он может принять участие и в обсуждении, и в голосовании. С другой стороны, если существует конфликт, который может быть урегулирован мирным путем, тогда участвующие в нем стороны не могут голосовать. Русских, сказал он, обвинили в том, что они слишком много говорят о голосовании. Они действительно считают это очень важным воп

росом, так как все будет решаться голосованием и их будут весьма интересовать результаты. Предположим, например, что Китай, как постоянный член Совета

Безопасности, потребовал бы возвращения Гонконга или что Египет потребовал бы возвращения Суэцкого канала. Он полагает, что в этом случае они не были бы одиноки и имели бы друзей, а защитников в Ассамблее или в Совете.

Я сказал, что, как я понимаю, полномочия международной организации не могут быть применены против Англии, если она не будет убеждена и откажется согласиться.

Сталин спросил, действительно ли это так, и я заверил его, что это именно так. Тогда Иден разъяснил, что в таком случае Китай или Египет могли бы пожаловаться, что никакое решение, предусматривающее применение силы, не могло бы быть принято без согласия правительства его величества, и Стеттиниус подтвердил, что никакие санкции не могут быть применены, если между постоянными членами Совета Безопасности не будет единогласия. Могут быть порекомендованы меры к мирному урегулированию, например арбитраж.

Сталин заявил, что, как он опасается, споры из-за Гонконга или Суэцкого канала могли бы нарушить единство трёх великих держав.

Я ответил, что понимаю, какая опасность может возникнуть, но что международная организация ни в коей мере не нарушает нормальных дипломатических отношений между государствами — великими или малыми. Международная организация — это особая независимая организация, а ее члены будут продолжать обсуждать между собой свои дела. Было бы глупо ставить в международной организации те или иные вопросы, если они могут нарушить единство великих держав.

“Мои коллеги в Москве, — сказал Сталин, — не могут забыть того, что произошло в декабре 1939 года во время русско-финской войны, когда англичане и французы использовали против нас Лигу Наций и им удалось изолировать Советский Союз и изгнать его из Лиги, а позднее они ополчились против нас и говорили о крестовом походе против России. Не можем ли мы иметь какие-либо гарантии того, что это не повторится?”

Иден указал, что американское предложение делает это невозможным.

“Можем ли мы создать еще больше препятствий?” — спросил Сталин.

Я сказал, что предусмотрено особое условие о единогласии великих держав.

“Мы услышали о нем сегодня впервые”, — ответил он.

199

Я признал, что есть опасность разжигания агитации против одной из великих держав, — скажем, против англичан, — и я могу лишь сказать, что обычная дипломатия будет одновременно играть свою роль. Я не думаю, чтобы президент начал и поддержал нападки на Англию, и я считаю бесспорным, что будет сделано все, чтобы приостановить такие нападки. Я в равной мере уверен в том, что маршал Сталин также не предпримет нападки — агитационные, конечно — на Британскую империю, не поговорив сначала с нами и не попытавшись найти какой-то путь достижения дружественного соглашения.

“Верно”, — ответил он.

Рузвельт сказал, что в будущем между великими державами, конечно, возникнут разногласия. Они будут всем известны и будут обсуждаться на Ассамблее. Но если допустить их обсуждение также в Совете, то это не будет способствовать

появлению разногласий. Напротив, это покажет, какое доверие мы питаем друг к другу, а также к нашей способности улаживать такие проблемы. Это укрепит, а не ослабит наше единство.

Сталин сказал, что это правильно. Он обещал изучить этот план и продолжить его обсуждение на следующий день.

* * *

Когда мы снова встретились на следующий день, Молотов принял новый план. В Думбартон-Оксе, сказал он, русские сделали все, что могли, для сохранения единства трех держав после войны и полагали, что планы, явившиеся результатом этой конференции, обеспечат сотрудничество между всеми странами — большими и малыми. Они удовлетворены теперь новой процедурой голосования и правилом единогласия трёх великих держав. Оставалось урегулировать только один вопрос. Должны ли советские республики быть членами международной организации с правом голоса в Генеральной Ассамблее? Этот вопрос обсуждался в Думбартон-Оксе, но теперь он собирается предложить кое-что другое. Советская делегация была бы удовлетворена, если бы три или, по крайней мере, две из советских республик стали с самого начала членами организации, а именно Украина, Белоруссия и Литва. Все они важны, все принесли большие жертвы в войне; они первыми подверглись вторжению и сильно пострадали. Доминионы Британского Содружества наций приближались к независимости постепенно и терпеливо. Это было примером для России, и поэтому они решили внести это более узкое предложение. “Мы полностью согласны, — закончил он, — с предложением президента о процедуре голосования и просим, чтобы три или по крайней мере две из наших республик были членами-учредителями международной организации”.

200

Для всех нас это было большим облегчением, и Рузвельт быстро поздравил Молотова.

Следующая задача, сказал президент, состоит в том, чтобы пригласить все страны собраться. Когда это будет сделано и кого мы пригласим? В СССР значительные массы народа организованы в отдельные республики; в Британской империи большие независимые группы живут на большом расстоянии друг от друга; Соединённые Штаты представляют собой единое целое, с одним министром иностранных дел и без колоний. Но есть и другие страны, такие, как Бразилия, которые имеют меньшую территорию, чем Россия, но большую, чем Соединённые Штаты, и, с другой стороны, целый ряд очень маленьких государств. Можем ли мы согласиться на один голос для каждой страны или же более крупные страны должны иметь больше одного голоса в международной Ассамблее? Он предложил передать все эти вопросы на рассмотрение трёх министров иностранных дел.

Я тоже поблагодарил Сталина за его важный шаг — принятие предложенной президентом процедуры голосования — и сказал, что соглашение, которого мы достигли, успокоит и удовлетворит людей во всем мире. Предложение Молотова также следует считать большим достижением. Президент Рузвельт вполне прав, сказав, что с точки зрения голосования положение Соединённых Штатов

отличается от положения Британской империи. Мы имеем четыре самоуправляющихся доминиона, игравших последние 25 лет видную роль в международной организации мира, которая распалась в 1939 году. Все четыре способствовали поддержанию мира и демократическому прогрессу. Когда в 1939 году Соединённое Королевство объявило Германии войну, все они взялись за оружие, хотя знали, насколько мы были слабы. Мы не имели возможности заставить их сделать это. Они это сделали сами, по собственному почину, в вопросе, относительно которого с ними можно было консультироваться лишь частично, и мы никогда не согласились бы ни на какую систему, лишаящую их положения, которое они с полным основанием занимали в течение четверти столетия. Поэтому я не мог не выслушать предложения Советского правительства с чувством глубокого понимания. Я от всего сердца сочувствовал могучей России, истекавшей кровью от нанесённых ей ран, но сметавшей тиранов, стоявших на ее пути. Я признавал, что у страны, имеющей 180 миллионов населения, естественно, возникали вопросы в отношении конституционных порядков Британского Содружества наций, благодаря которым мы имели больше одного голоса в Ассамблее, и поэтому я был рад, что президент Рузвельт дал такой ответ, который отнюдь нельзя было считать отклонением просьбы Молотова.

Однако я указал, что не могу превышать данных мне полномочий. Я хотел бы иметь время обсудить предложение Молотова

201

с Иденом и, быть может, послать телеграмму членам кабинета. Я попросил извинить меня за то, что не могу дать окончательного ответа в этот же день. Затем мы договорились передать весь вопрос на рассмотрение наших министров иностранных дел.

* * *

Остальные детали были урегулированы очень быстро. Когда мы снова встретились днём 8 февраля, мы договорились принять в Организацию Объединённых Наций две советские республики и провести первую конференцию международной организации в среду 25 апреля. На конференцию будут приглашены только те государства, которые объявили войну нашему общему противнику к 1 марта или уже подписали декларацию Объединённых Наций.

* * *

В этот вечер мы все вместе пообедали со Сталиным в Юсуповском дворце. Речи, произносившиеся за обедом, были записаны и могут быть приведены здесь. Между прочим, я сказал:

“Я не прибегаю ни к преувеличению, ни к цветистым комплиментам, когда говорю, что мы считаем жизнь маршала Сталина драгоценнейшим сокровищем для наших надежд и наших сердец. В истории было много завоевателей. Но лишь немногие из них были государственными деятелями, и большинство из них, столкнувшись с трудностями, которые следовали за их войнами, рассеивали плоды своих побед. Я искренне надеюсь, что жизнь маршала сохранится для народа Советского Союза и поможет всем нам приблизиться к менее печальным временам, чем те, которые мы пережили недавно. Я шагаю по этому миру с

большой смелостью и надеждой, когда сознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру”.

Сталин ответил мне лестными словами. Он сказал:

“Я провозглашаю тост за лидера Британской империи, за самого мужественного из всех премьер-министров мира, сочетающего в себе политический опыт и военное руководство, за человека, который в момент, когда вся Европа была готова пасть ниц перед Гитлером, заявил, что Англия не дрогнет и будет сражаться против Германии одна, даже без союзников. Даже если нынешние и возможные союзники покинут ее, — сказал он, — она будет продолжать сражаться. За здоровье человека, который может родиться лишь раз в столетие и который мужественно под-

202

нял знамя Великобритании. Я сказал то, что чувствую, то, что у меня на душе, и то, в чем я уверен”.

Затем я коснулся более серьезной темы:

“Я должен сказать, что еще ни разу за всю войну, даже в самые мрачные периоды, я не ощущал на себе такой большой ответственности, как сейчас на этой конференции. Теперь, по причинам, на которые указал маршал, мы понимаем, что достигли вершины холма и перед нами простирается открытая местность. Не будем преуменьшать трудности. В прошлом народы, товарищи по оружию, лет через пять—десять после войны расходились в разные стороны. Миллионы тружеников двигались таким образом по замкнутому кругу, попадая в пропасть и затем снова поднимаясь лишь благодаря своим собственным жертвам. Теперь мы имеем возможность избежать ошибок прежних поколений и обеспечить прочный мир. Люди жаждут мира и радости. Соединятся ли вновь семьи? Вернется ли воин домой? Будут ли восстановлены разрушенные жилища? Увидит ли труженик свой дом? Защита своей страны — доблестное дело, но перед нами еще большие задачи. Нам предстоит претворить в жизнь мечту бедняков, чтобы они могли жить в мире, охраняемые нашей непобедимой мощью от агрессии и зла. Я возлагаю свои надежды на замечательного президента Соединённых Штатов и на маршала Сталина, в которых мы найдем поборников мира и которые, разбив наголову противника, поведут нас на борьбу против нищеты, беспорядков, хаоса, гнёта. Я возлагаю на это надежды и от имени Англии заявляю, что мы не отстанем в наших усилиях. Мы неослабно будем поддерживать ваши усилия. Маршал говорил о будущем. Это самое главное. В противном случае океаны крови окажутся напрасными и поруганными. Я провозглашаю тост за яркий, солнечный свет победившего мира».

Сталин ответил. Я никогда не подозревал, что он может быть таким откровенным.

“Я говорю, — сказал он, — как старый человек; вот почему я говорю так много. Но я хочу выпить за наш союз, за то, чтобы он не утратил своего интимного характера, свободного выражения взглядов. В истории дипломатии я не знаю такого тесного союза трёх великих держав, как этот, в котором союзники имели бы возможность так откровенно высказывать свои взгляды. Я знаю, что некоторым кругам это замечание покажется наивным.

В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Быть может, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: “А почему бы мне не обмануть моего союзника?” Но я, как наивный человек, считаю, что лучше не обманывать своего союзника, да

203

же если он дурак. Возможно, наш союз столь крепок именно потому, что мы не обманываем друг друга; или, быть может, потому, что не так уж легко обмануть друг друга? Я провозглашаю тост за прочность союза наших трёх держав. Да будет он сильным и устойчивым; да будем мы как можно более откровенны”.

И затем:

“За группу деятелей, которых признают только во время войны и о чьих услугах быстро забывают после войны. Пока идет война, этих людей любят и встречают с уважением не только им подобные, но также и женщины. После войны их престиж падает, а женщины поворачиваются к ним спиной.

Я поднимаю мой бокал за военных руководителей”.

Он не питал никаких иллюзий относительно предстоявших нам трудностей.

“В эти дни в истории Европы произошли изменения — радикальные изменения. Во время войны хорошо иметь союз главных держав. Без такого союза выиграть войну было бы невозможно. Но союз против общего врага — это нечто ясное и понятное. Гораздо более сложное дело — поставленный союз для обеспечения мира и сохранения плодов победы. То, что мы сражались вместе, — хорошо, но это было не так трудно; с другой стороны, то, что в эти дни здесь завершена работа, начатая в Думбартон-Оксе, и заложены юридические основы обеспечения безопасности и укрепления мира, — это большое достижение. Это поворотный пункт.

Я провозглашаю тост за успешное завершение Думбартон Окса и за то, чтобы наш союз, рождённый в огне сражений, стал прочным и сохранился после войны; за то, чтобы наши страны не погрязли только в своих собственных делах, но помнили, что, помимо их собственных проблем, есть общее дело и что в дни мира они должны защищать дело единства с таким же энтузиазмом, как и в дни войны”.

* * *

Когда мы сидели за обеденным столом в этой сердечной обстановке, Сталин говорил со мной о прошлом. Некоторые его замечания записаны.

“Финская война, — сказал он, — началась следующим образом. Финская граница находилась примерно в 20 километрах от Ленинграда (он часто называл его Петербургом). Русские попросили финнов отодвинуть ее на 30 километров в обмен на территориальные уступки на севере. Финны отказали. Затем несколько русских пограничников подверглись обстрелу и

204

были убиты финнами. Отряд пограничников сообщил об этом частям Красной Армии, которые открыли огонь по финнам. Москву запросили об инструкциях. В этих инструкциях содержался приказ дать отпор. Одно последовало за другим, и война началась. Русские не хотели войны с Финляндией.

Если бы англичане и французы послали в 1939 году в Москву миссию из людей, действительно желавших соглашения с Россией, Советское правительство не подписало бы пакта с Риббентропом.

Риббентроп сказал русским в 1939 году, что англичане и американцы — только купцы и никогда не будут воевать.

Если мы — три великие державы — будем теперь держаться вместе, ни одна другая держава ничего не сможет нам сделать».

Глава третья

РОССИЯ И ПОЛЬША: СОВЕТСКИЕ ОБЕЩАНИЯ

Польский вопрос обсуждался не менее чем на семи или восьми пленарных заседаниях Ялтинской конференции. Находившееся под советским покровительством люблинское правительство Польши — или “варшавское” правительство, как предпочитали его называть русские — резко враждебно относилось к лондонскому польскому правительству. Со времени нашего октябрьского совещания в Москве отношения между ними не улучшились, а ухудшились.

Обсуждавшиеся вопросы можно суммировать следующим образом:

Как сформировать единое временное правительство для Польши.

Как и когда провести свободные выборы.

Как решить вопрос о границах Польши на Востоке и на Западе.

Как обеспечить безопасность тылов и коммуникаций наступающих советских армий.

* * *

Когда мы собрались на заседание 6 февраля, президент Рузвельт открыл дискуссию заявлением, что, будучи представителем Америки, он знаком с польским вопросом издавна. В Соединённых Штатах живут пять или шесть миллионов поляков, главным образом уже второго поколения, и большинство из них в целом поддерживает линию Керзона. Они знают, что им придётся отказаться от Восточной Польши. Они хотели бы присоединения к Польше Восточной Пруссии и части Германии или,

205

во всяком случае, какой-то компенсации. Как президент уже говорил в Тегеране, его положение было бы облегчено, если бы Советское правительство пошло на некоторые уступки, передав Польше, например, Львов и некоторые из нефтеносных районов, чтобы возместить потерю Кенигсберга. Однако важнее всего вопрос о постоянном правительстве для Польши. Общественное мнение в США в общем выступает против признания люблинского правительства, потому что оно представляет лишь небольшую часть Польши и польского народа. Выдвигается требование о создании правительства национального единства, возможно, из представителей пяти основных политических партий. Президент поэтому выразил надежду на создание в Польше представительного правительства, которое получило бы поддержку значительного большинства поляков, даже если бы оно носило лишь временный характер. Существует много путей к его созданию, как, например, формирование небольшого президентского совета, который принял бы временную власть, а затем создал бы более постоянный орган.

Затем я сказал, что мой долг — изложить позицию правительства его величества. Я неоднократно заявлял “в парламенте и в других публичных выступлениях о своей решимости поддержать притязания СССР на линию Керзона в толковании Советского правительства. Это означало присоединение Львова к СССР. Я всегда считал, что это требование России основывается не на силе, а на праве, если учесть страдания, перенесённые Россией при защите своей территории от немцев, и ее великие подвиги при изгнании немцев и освобождении Польши. Однако если бы она сделала великодушный жест в отношении гораздо более слабой державы и пошла на некоторые территориальные уступки вроде предложенных президентом, то мы были бы восхищены шагом Советского Союза и приветствовали бы его.

Однако создание сильной, свободной и независимой Польши — гораздо более важный вопрос, чем те или иные территориальные границы. Я хотел бы, чтобы поляки могли быть свободными и жить так, как им нравится. Я всегда слышал от маршала Сталина самые твёрдые заявления о поддержке этой цели, и именно потому, что я доверяю его заявлениям относительно суверенитета, независимости и свободы Польши, я считаю вопрос о границе менее важным. Вопрос о свободе Польши дорог всем англичанам и всему Содружеству наций.

В настоящее время имеются два правительства Польши, по поводу которых мы расходимся во мнениях. Я не видел никого из членов нынешнего лондонского правительства Польши. Мы признали их, но не поддерживаем с ними близких отношений. С другой стороны, Миколайчик, Ромер и Грабский — разумные и честные люди. С ними мы сохранили неофициальные, но дружественные отношения. Три великие державы подверглись бы кри-

206

тике, если бы они допустили видимость раскола из-за этих правительств-соперников в момент, когда нужно выполнять такие великие задачи и когда у трёх держав есть такие общие надежды. Не могли бы мы создать правительственный орган для Польши в ожидании полных и свободных выборов — правительство, которое мы все могли бы признать? Подобное правительство могло бы подготовить свободное голосование польского народа по вопросу о будущей конституции и управлении. В таком случае мы сделали бы великий шаг вперед на пути к будущему миру и процветанию Центральной Европы.

* * *

После краткого перерыва выступил Сталин. Он сказал, что ему понятна точка зрения английского правительства: для Англии Польша — вопрос чести. Однако для России это вопрос как чести, так и безопасности. Это вопрос чести, потому что у русских было много конфликтов с поляками и Советское правительство хочет устранить причины подобных столкновений¹. Это вопрос безопасности не только потому, что Польша граничит с Россией, но и потому, что на протяжении всей истории Польша служила коридором, через который проходили враги России для нападения на нее. За последние 30 лет немцы

¹ Советско-польские отношения в годы войны прошли сложный и противоречивый путь развития. Вскоре после начала Великой Отечественной войны, 30 июля 1941 г., было подписано соглашение, по которому восстанавливались дипломатические отношения (прерванные в сентябре 1939 г.),

предусматривалось оказание друг другу всемерной помощи и формирование польских соединений на советской территории.

Однако сформированная в СССР польская армия генерала Андерса (73 тыс. человек) по требованию эмигрантского польского правительства в Лондоне в 1942 г. была выведена в Иран. В дальнейшем польские части действовали совместно с англо-американскими войсками.

В апреле 1943 г., после опубликования в мировой печати сообщения об известных событиях в Катыни, дипломатические отношения СССР с польским правительством в Лондоне были прерваны. Однако СССР продолжал выступать за создание сильной и независимой Польши. В начале 1943 г. проживающие в СССР поляки создали Союз польских патриотов (СПП), началось формирование на советской территории польских воинских частей, которые к весне 1944 г. составили 1-ю Польскую армию.

В июле 1944 г., после освобождения Советской Армией первых районов Польши, там организовались органы народной власти в виде Крайовой Рады Народовой (КНР) и Польского комитета национального освобождения (ПКО), в которых решающую роль играли коммунисты. 31 декабря 1944 г. на базе ПКО было образовано временное польское правительство. На Крымской конференции СССР выступил в защиту национальных интересов Польши. 21 апреля 1945 г. в Москве был заключён советско-польский договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве обеих стран. На Берлинской конференции глав трёх великих держав временное правительство Польши было признано Англией и США и были определены западные границы Польши. 16 августа

1945 г. СССР и Польша подписали договор о советско-польской границе.

207

дважды прошли через Польшу. Они прошли потому, что Польша была слаба. Россия хочет видеть Польшу сильной и могущественной, с тем чтобы она сама своими силами могла запереть этот коридор. Россия не могла бы держать его закрытым извне. Коридор может быть закрыт только изнутри, самой Польшей, и именно поэтому Польша должна быть свободной, независимой и сильной. Это вопрос жизни и смерти для Советского государства. Его политика значительно отличается от политики царского правительства. Цари стремились подавить и ассимилировать Польшу. Советская Россия положила начало политике дружбы, причём дружбы с независимой Польшей. Это главная основа советской позиции, то есть стремление видеть Польшу независимой, свободной и сильной.

Затем Сталин остановился на некоторых вопросах, поднятых Рузвельтом и мною. Президент, сказал он, предложил некоторое изменение линии Керзона и передачу Польше Львова и, возможно, некоторых других районов, а я заметил, что это было бы великодушным жестом. Однако, заявил Сталин, линия Керзона была изобретена не русскими. Она была намечена Керзоном, Клемансо и представителями Соединённых Штатов на конференции 1919 года, куда Россия не была приглашена. Линия Керзона была принята против воли России на основе этнографических данных. Ленин с ней не соглашался. Он не хотел передачи Польше города Белостока и прилегающей к нему области. Русские уже отступили от этой позиции Ленина, а теперь кое-кто хочет, чтобы Россия взяла себе меньше, чем соглашались ей дать Керзон и Клемансо. Это было бы

постыдно. Приехав в Москву, украинцы сказали бы, что Сталин и Молотов — менее надёжные защитники России, чем Керзон или Клемансо. Лучше продлить войну немного дольше, хотя это и будет стоить России много крови, с тем чтобы можно было компенсировать Польшу за счёт Германии. Когда Миколайчик приезжал в Россию в октябре, он спрашивал, какую границу Польши на западе признает Россия. Он был очень рад, узнав, что, по мнению России, западная граница Польши должна быть отодвинута до Нейсе. Есть две реки под таким названием, сказал Сталин, одна близ Бреславля, а другая — дальше на запад. Он имел в виду Западную Нейсе и просил участников конференции поддержать его предложение.

* * *

Сталин затем указал, что мы не сможем создать польское правительство, если на это не согласятся сами поляки. Миколайчик и Грабский приезжали в Москву во время моего пребывания там. Они встретились с представителями люблинского правительства. Между ними была достигнута некоторая сте-

208

пень согласия, и Миколайчик уехал в Лондон, полагая, что он вернется. Вместо этого его коллеги просто сместили его только потому, что он выступал за соглашение с люблинским правительством. Польское правительство в Лондоне враждебно относится к самой идее люблинского правительства и называет его сборищем бандитов и преступников. Люблинское правительство платит им той же монетой, и теперь трудно что-либо сделать в этом вопросе.

Люблинское, или варшавское, правительство, как его теперь следует называть, не желает иметь ничего общего с лондонским правительством. Его представители сообщили Сталину, что они готовы сотрудничать с генералом Желиговским и с Грабским, но что они не хотят слышать о назначении Миколайчика премьер-министром. “Поговорите с ними, если хотите, — сказал Сталин. — Я могу устроить вам встречу с ними здесь или в Москве, но они не менее демократичны, чем де Голль, они могут поддерживать мир в Польше и положить конец гражданской войне и нападениям на Красную Армию”. Лондонское правительство на это неспособно. Его агенты убили 212 русских солдат; они связаны с польским подпольным движением Сопротивления, и они устраивали нападения на склады, чтобы захватить оружие. Их радиостанции не зарегистрированы и работают без разрешения. Агенты люблинского правительства оказывали помощь, а агенты лондонского правительства причинили много зла. Для Красной Армии жизненно важно иметь безопасный тыл, и, как человек военный, Сталин поддержит только такое правительство, которое сможет гарантировать эту безопасность.

* * *

Было уже поздно, и президент предложил прервать заседание до следующего дня. Но я счёл разумным заявить, что Соединённое Королевство и Советское правительство пользуются различными источниками информации в Польше и получили разноречивые сообщения о том, что там произошло. По нашим сведениям, сказал я, не больше трети польского народа поддержало бы люблинское правительство, если бы поляки могли свободно высказать свое мнение. Такая оценка, конечно, основана на наилучшей информации, которую

мы смогли получить. Возможно, что в некоторых деталях мы ошибаемся. Я заверил Сталина, что мы весьма опасаемся столкновения между польской подпольной армией и люблинским правительством. Мы опасаемся, что это может привести к озлоблению, кровопролитию, арестам и ссылкам. Вот почему мы столь настойчиво стремимся к согласованному решению. Мы боимся последствий всех этих противоречий для польского воп-

209

роса, который и без того достаточно сложен. Мы, конечно, признаем, что за нападения на Красную Армию необходимо наказывать. Однако сведения, имеющиеся в моем распоряжении, не позволяют мне поверить в право люблинского правительства утверждать, что оно представляет польскую нацию. Президент теперь стремился закончить дискуссию. “Польша, — заметил он, — была источником неприятностей в течение более 500 лет”.

“Тем более, — ответил я, — нам нужно сделать все возможное, чтобы положить конец этим неприятностям”.

На этом заседании закончилось.

* * *

В тот же вечер президент после консультаций с нами направил с нашими поправками Сталину письмо, предлагая, чтобы два члена люблинского правительства и два представителя из Лондона или из самой Польши приехали в Ялту и попробовали договориться в нашем присутствии о создании временного правительства, которое мы все могли бы признать и которое должно как можно скорее провести свободные выборы. Такой курс мне понравился, и я поддержал президента, когда мы собрались на заседание 7 февраля. Рузвельт снова подчеркнул то, что его беспокоило. Границы, сказал он, имеют важное значение. Однако мы вполне можем помочь полякам создать единое временное правительство или мы можем даже создать его сами, пока поляки не сумеют сформировать собственное правительство на основе свободных выборов. “Нам нужно предпринять что-то такое, — сказал он, — что явилось бы свежим дуновением в тумане, окружающем сейчас польский вопрос”. Затем он спросил Сталина, не хочет ли он дополнить сказанное им накануне.

Сталин ответил, что он получил письмо президента только полтора часа назад и немедленно дал указания разыскать Берута и Моравского, с тем чтобы он мог связаться с ними по телефону. Он только что узнал, что один находится в Кракове, а другой — в Лодзи, и обещал узнать у них, как найти представителей лагеря оппозиции, так как их адреса ему неизвестны. На тот случай, если доставить их в Ялту будет невозможно, Молотов разработал несколько предложений, которые в известной степени идут навстречу рекомендациям президента.

Затем на сцену выступил Молотов, который зачитал следующее резюме:

“1. Считать, что границей Польши на Востоке должна быть линия Керзона с отклонениями от нее в некоторых районах на 5-6 километров в пользу Польши.

210

---

2. Считать, что западная граница Польши должна идти от гор. Штеттин (для поляков), далее на юг по р. Одер, а дальше по р. Нейсе (Западной).

3. Признать желательным пополнить временное польское правительство некоторыми демократическими деятелями из эмигрантских польских кругов.
4. Считать желательным признание пополненного временного польского правительства союзными правительствами.
5. Признать желательным, чтобы временное польское правительство, пополненное указанным в п. 3 способом, в возможно короткий срок призвало население Польши к всеобщим выборам для организации постоянных органов государственного управления Польши.
6. Поручить В. М. Молотову, г-ну Гарриману и г-ну Керру обсудить вопрос о пополнении временного польского правительства совместно с представителями временного польского правительства и ч представить свои предложения на рассмотрение трёх правительств”.

Рузвельт, казалось, был обрадован. Он заявил, что мы делаем определённые успехи, но он хотел бы обсудить этот вопрос со Стеттиниусом. “Мне не нравится слово “эмигрантские”, — заявил он в заключение. — Я не знаю никого из этих людей, кроме Миколайчика, но я думаю, что нам нужно установить связи не только с “эмигрантами”. Мы могли бы также найти кое-кого в самой Польше”.

Сталин согласился отложить обсуждение, но я вмешался, и последующий обмен мнениями можно считать многозначительным в свете дальнейших событий.

Я сказал, что мне, как и президенту, не нравится слово “эмигрантские”. Под этим словом первоначально подразумевалась французская аристократия, изгнанная из страны после французской революции, и в своём подлинном значении это слово применялось только к тем, кто был изгнан из своей страны своим собственным народом. Однако заграничные поляки были изгнаны из страны немцами, и я предложил, чтобы слово “эмигрантские” было заменено выражением “поляки за границей”. Сталин согласился. Что касается реки Нейсе, упомянутой во втором пункте предложения Молотова, то я напомнил моим слушателям, что в предыдущих переговорах я всегда делал оговорку к предложению о передвижении польской границы на запад, указывая, что поляки должны иметь право занять территорию на западе, но не большую, чем они хотят или чем они в состоянии освоить. Было бы очень прискорбно, если бы мы так обкормили польского гуся немецкой пищей, что он умер бы от несварения желудка. Мне известно, что в Англии есть значительные круги общественности, которых просто шокирует мысль о насильствен

211

ном переселении миллионов людей. При разделении греческого и турецкого населения после прошлой войны был достигнут большой успех, и эти страны с тех пор находятся в добрых отношениях; однако в этом случае пришлось переселить менее двух миллионов человек. Если Польша возьмёт Восточную Пруссию и Силезию до Одера, уже это будет означать переселение в Германию шести миллионов немцев. Быть может, это и осуществимо, но остается моральный вопрос, который мне придётся урегулировать с моим собственным народом.

Сталин заметил, что в этих районах нет немцев, так как они все убежали.

Я возразил, сказав, что возникает вопрос — хватит ли для них места в том, что осталось от Германии. Шесть или семь миллионов немцев убиты, и еще миллион

(Сталин считал, что два миллиона) немцев будет, вероятно, убито до конца войны. Поэтому до известной степени для переселенцев должно хватить места. Они понадобятся для заполнения пустоты. Я не боюсь проблемы переселения при условии, что оно соизмеримо с возможностями поляков и с числом людей, которых может принять Германия. Однако этот вопрос требует изучения — не с точки зрения принципа, но с точки зрения числа людей, которых придётся переселить.

При этом общем обсуждении мы не прибегали к картам, и различие между Восточной и Западной Нейсе не было отмечено столь ясно, как следовало бы. Впрочем, это должно было стать ясным довольно скоро.

* * *

Когда мы собрались снова 8 февраля, Рузвельт прочёл свои новые предложения, основанные на проекте Молотова. “Нет никаких возражений, — сказал он, — против советского предложения, чтобы восточная граница Польши проходила по линии Керзона с изменениями в пользу Польши в некоторых районах на пять—восемь километров”. Таким образом, имелся, по крайней мере, один вопрос, по которому мы могли все согласиться. И хотя я призывал русских сделать ряд небольших уступок, казалось желательным не умножать наших затруднений, которые и так были достаточно серьёзны. Однако президент твёрдо и конкретно высказался насчёт границы на западе. Он согласился, что Польша должна получить компенсацию за счёт Германии, “включая часть Восточной Пруссии к югу от линии Кенигсберга, Верхнюю Силезию и район до линии Одера; однако, — продолжал он, — *представляется мало оснований для распространения этого района до Западной Нейсе*”¹. Такова всегда была моя точка зрения, и пять

¹ Курсив мой. — Примеч. авт.

212

месяцев спустя, когда мы встретились снова в Потсдаме, я отстаивал ее очень упорно.

Оставался вопрос о формировании польского правительства, которое могли бы признать мы все и которое принял бы польский народ. Рузвельт предложил, чтобы президентский комитет из трёх польских деятелей, которые поехали бы в Москву, создал временное правительство из представителей Варшавы, Лондона и самой Польши и провел возможно скорее свободные выборы.

После краткого перерыва Молотов высказал свои возражения. Люблинское правительство, сказал он, возглавляет сейчас польский народ. Большинство народа восторженно приветствовало это правительство, которое пользуется большим авторитетом и престижем. О лондонских деятелях этого нельзя сказать. Если бы мы попытались создать новое правительство, сказал Молотов, сами поляки могли бы не согласиться, и поэтому лучше попробовать расширить существующее правительство. Это был бы только временный орган, потому что все наши предложения преследуют лишь одну цель, а именно — скорейшее проведение в Польше свободных выборов. Вопрос о методах расширения существующего правительства лучше всего обсудить в Москве американскому и английскому послам и ему самому. Он сказал, что он весьма желает соглашения, и принял предложение президента пригласить двух из пяти человек, упомянутых в его письме от 6 февраля. Не исключена возможность, сказал он, что

люблинское правительство откажется вести переговоры с некоторыми из них, например с Миколайчиком. Однако, если люблинское правительство пошлет трёх представителей, а два будут выбраны из числа лиц, предложенных Рузвельтом, переговоры могли бы начаться немедленно.

“А как насчёт создания президентского комитета?” — спросил Рузвельт.

“Лучше отказаться от него, — ответил Молотов. — Это будет означать, что придётся иметь дело с двумя органами вместо одного”.

“Это, — сказал я, — решающий вопрос для нашей конференции. Весь мир ожидает решения, и если к концу конференции мы все еще будем признавать разные правительства Польши, весь мир увидит, что между нами по-прежнему существуют серьёзные разногласия. Последствия этого будут в высшей степени прискорбными, и они наложат на нашу встречу печать провала. С другой стороны, мы явно смотрим с разных точек зрения на основные факты положения в Польше или по крайней мере на некоторые из них. В соответствии со сведениями, которыми располагает Англия, люблинское правительство не нравится значительному большинству польского народа, и мы не можем считать, что за границей это прави-

213

тельство будет рассматриваться как представляющее народ. Если конференция отмахнётся от существующего лондонского правительства и окажет полную поддержку люблинскому правительству, это вызовет возмущение во всем мире. Насколько можно предвидеть, поляки за границей фактически выразят единодушный протест. Под нашим командованием находится польская армия из 150 тысяч человек, ще собраны все, кто смог объединиться за пределами Польши. Эта армия сражалась и сражается очень доблестно. Я не верю, что она вообще примирится с люблинским правительством. Если Англия лишит признания правительство, которое она признавала с начала войны, польская армия расценит это как предательство”.

“Как хорошо известно маршалу Сталину и г-ну Молотову, — продолжал я, — лично я не соглашаюсь с действиями лондонского правительства, которое постоянно вело себя глупо. Однако если мы официально лишим признания тех, кого мы признавали до сих пор, и признаем это новое правительство, то мы подвергнемся самой серьёзной критике. Мы не имеем доступа в эту страну. Мы не можем ни видеть, ни слышать, каковы там настроения. Будут говорить, что мы можем только полагаться на утверждения люблинского правительства о настроении польского народа. Дебаты, которые за этим последуют, будут в высшей степени неприятны и затруднительны для единства союзников, даже если предположить, что мы смогли бы согласиться на предложения моего друга г-на Молотова.

Я не думаю, — продолжал я, — что эти предложения идут достаточно далеко. Если мы отречёмся от польского правительства в Лондоне, то новое начало должно быть положено обеими сторонами на более или менее равных условиях. Все наши разногласия будут, конечно, устранены, если в Польше будут проведены свободные и беспрепятственные всеобщие выборы в условиях всеобщего избирательного права и свободы выдвижения кандидатов. Как только это произойдет, правительство его величества будет приветствовать созданное

таким образом правительство, игнорируя польское правительство в Лондоне. Наибольшую тревогу вызывает у нас именно период до выборов”.

Меня поддержал президент. Он сказал, что главная цель американцев — скорейшее проведение всеобщих выборов в Польше. Единственный вопрос заключается в том, какое управление Польша должна иметь до тех пор. Он выразил надежду, что выборы можно будет провести до конца года. Поэтому проблему следует считать ограниченной во времени.

Затем Сталин коснулся моей жалобы на то, что у меня нет информации и нет способов получить ее.

214

“Я располагаю некоторыми сведениями”, — ответил я.

“Они не согласуются с моими”, — возразил Сталин. Затем он произнёс речь, в которой заверил нас, что люблинское правительство действительно очень популярно. В особенности это касается Берута, Осубка-Моравского и генерала Жимерского. Они не покидали страну в период германской оккупации, жили все время в Варшаве и выдвинулись из рядов подпольщиков. Это произвело глубокое впечатление на поляков. Следует учитывать особое настроение людей, которые пережили германскую оккупацию. Они симпатизируют всем, кто не покинул страну в тяжелое время, и считают, что три названных им лица — как раз такие люди. Он сказал, что не думает, чтобы они были гениями. Вполне возможно, что в составе лондонского правительства есть более умные люди, но их не любят в Польше, потому что их не видели там в период, когда население страдало под гнетом гитлеровской оккупации. Возможно, что такое чувство примитивно, но оно, бесспорно, существует.

Для Польши, сказал он, освобождение страны советскими войсками было великим событием, и этот факт все изменил. Хорошо известно, что поляки не любили русских, потому что последние трижды участвовали в разделе Польши. Однако наступление советских войск и освобождение Польши целиком изменили настроение поляков. Старая вражда исчезла, уступив место доброжелательности и даже восторженному отношению к русским. Это вполне естественно. Население ликовало, видя бегство немцев и почувствовав себя свободным. По словам Сталина, у него создалось впечатление, что население Польши считает изгнание немцев великим патриотическим торжеством в жизни Польши и что оно удивлено тем, что лондонское правительство не приняло никакого участия в этом торжестве польской нации. Поляки видели на улицах членов Временного правительства и спрашивали, где же лондонские поляки. Это подорвало престиж лондонского правительства, и в этом причина большой популярности Временного правительства, хотя оно и не состоит из великих людей.

Сталин считал, что нельзя игнорировать эти факты, если мы хотим понять настроение польского народа. Я говорил, что опасаясь окончания конференции без достижения соглашения.

Существует недовольство, продолжал Сталин, тем, что польское правительство не было избрано. Естественно, что было бы лучше иметь правительство, созданное на основе свободных выборов, но до сих пор этого не допускала война. Однако приближается день, когда можно будет провести выборы. До тех пор нам следует иметь дело с Временным правительством, как мы имели, например, дело

с правительством генерала де Голля во Франции, которое также не было избрано. Мне неизвестно, сказал Сталин, кто пользуется большим

215

авторитетом — Берут или генерал де Голль. Однако заключить договор с генералом де Голлем оказалось возможным. Почему мы не можем также заключить договор с расширенным польским правительством, которое было бы не менее демократическим? Неразумно требовать от Польши большего, чем от Франции. До сих пор французское правительство не провело никаких реформ, которые вызвали бы восторг во Франции, тогда как польское правительство приняло закон о земельной реформе, который вызвал большой энтузиазм.

“Как скоро, — спросил президент, — можно будет провести выборы?”

“В пределах месяца, — ответил Сталин, — если не произойдет никакой катастрофы на фронте”.

Я сказал, что это, конечно, должно нас успокоить и что мы сможем безоговорочно поддержать свободно избранное правительство, которое заменит все остальное, и мы не должны требовать ничего, что может сколько-нибудь помешать военным операциям. Это главная цель. Если, однако, волю польского народа можно будет выяснить в такой короткий срок или даже в течение двух месяцев, то положение целиком изменится и никто не сможет возражать.

После этого мы согласились предоставить нашим министрам иностранных дел обсудить этот вопрос.

* * *

В соответствии с этим решением три министра собрались в полдень 9 февраля. Они не смогли прийти к соглашению. Однако когда конференция собралась на пленарное заседание в 4 часа дня, Молотов представил некоторые новые предложения, которые были значительно ближе к американскому проекту. Предлагалось, чтобы люблинское правительство было “реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши, а также из числа поляков, живущих за границей”. Молотов должен был проконсультироваться в Москве с английским и американским послами о методах такой реорганизации. После реорганизации люблинское правительство будет обязано как можно скорее провести свободные выборы, и мы затем признаем любое правительство, которое будет создано в результате выборов. С небольшими поправками он принял американский план.

Это было значительным успехом, и я так и сказал.

Рузвельт заявил, что разногласия между нами и русскими теперь в основном касаются лишь формулировок. Но и он, и я беспокоились о том, чтобы выборы были действительно честными и свободными. Я сказал Сталину, что мы находимся в очень невыгодном положении, так как мы очень мало знаем об обстановке

216

внутри Польши и все же должны принимать в высшей степени ответственные решения. Русские, американские и английские наблюдатели должны присутствовать при выборах, чтобы заверить весь мир, что все проделано

честно. Совершенно невозможно, сказал я, преувеличить значение честного проведения выборов. Так, например, сможет ли Миколайчик вернуться в Польшу и организовать свою партию к выборам?

“Этот вопрос должны будут обсудить послы и Молотов, когда они встретятся с поляками”, — сказал Сталин.

Я ответил: “Я должен иметь возможность сообщить палате общин, что выборы будут свободными и что будут даны эффективные гарантии их свободного и честного проведения”.

Сталин указал, что Миколайчик принадлежит к крестьянской партии, которая, не будучи фашистской, может принять участие в выборах и выдвинуть своих кандидатов. Я сказал, что уверенность в этом возросла бы, если бы крестьянская партия была уже представлена в польском правительстве, и Сталин согласился, что в правительство должен быть включён один из ее представителей.

“Выборы, — сказал президент, — должны быть выше критики, как жена Цезаря. Я хочу, чтобы всему миру было дано какое-то заверение, и я не желаю, чтобы кто-либо имел возможность сомневаться в честности выборов. Это скорее вопрос правильной политики, чем принципа”.

“Боюсь, — заявил Молотов, — что, если мы включим американскую формулировку, поляки будут считать, что им не доверяют. Этот вопрос нам лучше обсудить с ними вместе”.

Я не удовлетворился этим и решил позднее поднять вопрос перед Сталиным. Такая возможность представилась на следующий день.

* * *

Как раз перед нашим последним плодотворным заседанием, 10 февраля, Иден и я имели конфиденциальную беседу со Сталиным и Молотовым в Юсуповском дворце, во время которой я снова разъяснил, какие трудности у нас возникают в связи с тем, что мы не имеем в Польше представителей, которые могли бы информировать нас о происходящем. Речь шла либо о после со штатом посольства, либо о корреспондентах газеты. Мы согласились добавить следующую фразу к нашей декларации:

“Как следствие вышеуказанного, признание должно предусматривать обмен послами, по докладам которых соответствующие правительства будут осведомлены о положении в Польше”.

Это было наибольшее, чего мне удалось добиться.

217

Когда конференция вновь собралась в 16 часов 45 минут, Иден зачитал заявление, по которому было достигнуто соглашение между тремя министрами иностранных дел. Я с беспокойством отметил, что в нем ничего не говорилось о границах, и сказал, что весь мир захочет знать, чем это вызвано. Мы все пришли к соглашению в принципе относительно западной границы, и единственный вопрос заключался в том, где точно должна проходить линия и что именно мы должны сказать об этом. Поляки должны получить часть Восточной Пруссии и иметь право, если они этого пожелают, дойти до линии Одера, однако у нас были очень серьезные сомнения насчёт того, стоит ли идти дальше и говорить что-нибудь по этому вопросу на данном этапе. Я заявил на конференции, что мы получили телеграмму от военного кабинета и что он энергично возражает против

каких бы то ни было упоминаний о границе, которая заходила бы настолько далеко на запад, что прошла бы по Западной Нейсе, ибо проблема перемещения населения оказалась бы слишком значительной, чтобы, с ней можно было справиться.

Рузвельт заявил, что он предпочёл бы услышать, что скажет об этом новое польское правительство национального единства, и предложил воздержаться от всяких упоминаний о западной границе.

“Мы, безусловно, должны упомянуть о восточной границе”, — сказал Сталин.

Я поддержал его, хотя знал, что это вызовет много критических замечаний.

Что касается западной границы, то я сказал, что сперва следует выяснить желание нового польского правительства и что сама граница должна быть определена как часть мирного урегулирования. Коммюнике, опубликованное по окончании конференции, содержало совместную декларацию о Польше, которая гласила:

11 февраля 1945 года

“Мы собрались на Крымскую конференцию разрешить наши разногласия по польскому вопросу. Мы полностью обсудили все аспекты польского вопроса. Мы вновь подтвердили наше общее желание видеть установленной сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу, и в результате наших переговоров мы согласились об условиях, на которых новое Временное польское правительство национального единства будет сформировано таким путём, чтобы получить признание со стороны трёх главных держав.

Достигнуто следующее соглашение:

218

“Новое положение создано в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания Временного Польского Правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое Правительство должно затем называться Польским Временным Правительством Национального Единства.

В. М. Молотов, г-н В. А. Гарриман и сэр Арчибальд К. Керр уполномочиваются, как Комиссия, проконсультироваться в Москве в первую очередь с членами теперешнего Временного Правительства и с другими польскими демократическими лидерами как из самой Польши, так и из-за границы, имея в виду реорганизацию теперешнего Правительства на указанных выше основах. Это Польское Временное Правительство Национального Единства должно принять обязательство провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы как можно скорее, на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании. В этих выборах все антинацистские и демократические партии должны иметь право принимать участие и выставлять кандидатов.

Когда Польское Временное Правительство Национального Единства будет сформировано должным образом в соответствии с вышеуказанным, Правительство СССР, которое поддерживает в настоящее время дипломатические отношения с нынешним Временным Правительством Польши,

Правительство Соединённого Королевства и Правительство США установят дипломатические отношения с новым Польским Временным Правительством Национального Единства и обменяются послами, по докладам которых соответствующие правительства будут осведомлены о положении в Польше.

Главы трех правительств считают, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Главы трех правительств признают, что Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового Польского Правительства Национального Единства и что, вслед за тем, окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции”.

219

Глава четвертая ЯЛТА: ФИНАЛ

Дальний Восток не играл никакой роли в наших официальных переговорах в Ялте. Я знал, что американцы намерены поднять перед русскими вопрос об их участии в войне на Тихом океане. Мы затронули этот вопрос в общих чертах в Тегеране, и в декабре 1944 года Сталин сделал Гарриману в Москве некоторые конкретные предложения относительно послевоенных претензий России в этом районе. Американские военные власти определили, что для разгрома Японии потребуется полтора года после капитуляции Германии. Помощь русских сократила бы тяжёлые потери американцев. Вторжение в собственно Японию в то время было еще в стадии планирования, и генерал Макартур вступил в Манилу лишь на второй день работы Ялтинской конференции. Первый экспериментальный взрыв атомной бомбы предстоял лишь через пять месяцев. Большая японская армия в Маньчжурии могла бы быть брошена на защиту самой Японии, рели бы Россия все еще оставалась нейтральной.

Учитывая все это, президент Рузвельт и Гарриман обсудили со Сталиным 8 февраля вопрос о территориальных требованиях России на Дальнем Востоке. Россия согласилась вступить в войну против Японии через два или три месяца после капитуляции Германии.

В тот же день в ходе конфиденциальной беседы со Сталиным я спросил его, чего русские хотят на Дальнем Востоке. Он ответил, что они хотят получить военно-морскую базу, такую, например, как Порт-Артур. Американцы предпочли бы, чтобы порты находились под международным контролем, однако русские хотели бы, чтобы их интересы были гарантированы. Я ответил, что мы будем приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане и высказываемся за то, чтобы потери, понесённые Россией во время русско-японской войны, были восполнены. На другой день, 11 февраля, мне показали соглашение, которое было составлено накануне президентом и Сталиным, и я подписал его от имени английского правительства. Этот документ оставался секретным, пока не кончились переговоры между Советским Союзом и националистическим китайским правительством, которое Сталин в самой решительной форме согласился поддерживать. В таком состоянии этот вопрос оставался почти до того момента, когда мы снова встретились в Потсдаме.

Фиксация мною хода переговоров сохранилась в виде следующей выдержки из телеграммы, которую я направил премьер-министрам доминионов 5 июля.

220

Премьер-министр — премьер-министрам доминионов

5 июля 1945 года

“1. Под самым строгим секретом Сталин уведомил Рузвельта и меня на Крымской конференции о готовности Советского Союза вступить в войну против Японии через два или три месяца после капитуляции Германии на нижеследующих условиях:

а) Сохранение статус-кво Внешней Монголии.

б) Восстановление прав русских, утраченных в 1904 году, а именно:

(I) Возвращение Южного Сахалина и прилегающих к нему островов.

(II) Интернационализация торгового порта Дайрен при гарантировании преобладающих интересов СССР, возобновление использования на арендной основе Порт-Артура в качестве советской военно-морской базы.

(III) Совместная эксплуатация советско-китайской компанией Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, обеспечивающих выход к Дайрену, при условии, что преобладающие интересы СССР будут гарантированы и что Китай сохранит полностью суверенитет над Маньчжурией.

в) СССР получает Курильские острова.

2. Эти условия были изложены в личном соглашении между Рузвельтом, Сталиным и мной. Соглашение признает, что потребуются согласие Чан Кайши на эти условия, и по совету Сталина Рузвельт взялся добиться этого согласия. Мы все трое договорились добиваться того, чтобы советские требования были удовлетворены безоговорочно после разгрома Японии. В соглашении не содержалось больше ничего, за исключением выражения русскими готовности вступить в договор о союзе с Китаем с целью помочь последнему сбросить японское иго”.

* * *

Моя очередь была председательствовать на нашем последнем обеде 10 февраля. За несколько часов до того, как Сталин должен был приехать, в Воронцовский дворец прибыл взвод русских солдат. Они заперли двери по обе стороны приёмных залов, в которых должен был проходить обед. Была расставлена охрана, и никому не разрешалось входить. Затем они обыскали всё — смотрели под столами, простукивали стены. Моим служащим приходилось выходить из здания, чтобы попасть из служебных помещений в комнаты, где они жили. Когда все было в порядке, маршал прибыл в самом приветливом настроении, а немножко позже прибыл президент.

221

Во время обеда в Юсуповском дворце Сталин провозгласил тост за здоровье короля в такой форме, что, хотя он и предполагал, что тост получится дружественным и почтительным, мне он не понравился. Сталин сказал, что в общем и целом всегда был против королей и держит сторону народа, а не какого бы то ни было короля, но что в этой войне он научился уважать и ценить

английский народ, который уважает и чтит своего короля, и что поэтому он хотел бы провозгласить тост за здоровье английского короля. Я не был удовлетворён такой формулировкой и попросил Молотова разъяснить, что этих тонкостей Сталина можно было бы избежать и предлагать в дальнейшем тост за здоровье “глав трёх государств”. Поскольку на это было дано согласие, я тут же ввел в практику новую формулу:

“Я провозглашаю тост за здоровье его королевского величества, президента Соединенных Штатов и президента СССР Калинина — трех глав трех государств”.

На это президент, у которого был очень усталый вид, ответил:

“Тост премьер-министра навевает много воспоминаний. В 1933 году моя жена посетила одну из школ у нас в стране. В одной из классных комнат она увидела карту с большим белым пятном. Она спросила, что это за белое пятно, и ей ответили, что это место называть не разрешается. То был Советский Союз. Этот инцидент послужил одной из причин, побудивших меня обратиться к президенту Калинину с просьбой прислать представителя в Вашингтон для обсуждения вопроса об установлении дипломатических отношений. Такова история признания нами России”.

Теперь я должен был провозгласить тост за здоровье маршала Сталина. Я сказал:

“Я пил за это несколько раз. На этот раз я пью с более тёплым чувством, чем во время предыдущих встреч, не потому, что он стал одерживать больше побед, а потому, что благодаря великим победам и славе русского оружия он сейчас настроен более доброжелательно, нежели в те суровые времена, через которые мы прошли. Я считаю, что, какие бы разногласия ни возникали по тем или иным вопросам, в Англии он имеет доброго друга. Я надеюсь, что в будущем Россию ожидают светлая счастливая жизнь и процветание. Я сделаю все, чтобы этому помочь, и уверен, что то же самое сделает президент. Было время, когда маршал относился к нам не столь благожелательно, и я вспоминаю, что и сам

222

кое-когда отзывался о нем грубо, но наши общие опасности и общая лояльность изгладили все это. Пламя войны выжгло все недоразумения прошлого. Мы чувствуем, что имеем в его лице друга, которому можем доверять, и я надеюсь, что он по-прежнему будет питать точно такие же чувства в отношении нас. Желая ему долго жить и увидеть свою любимую Россию не только покрытой славой в войне, но и счастливой в дни мира”.

Сталин ответил в самом наилучшем настроении, и у меня создалось впечатление, что он счёл формулу “главы государств” вполне подходящей для встреч нашей “тройки”. У меня нет записи того, что именно он сказал. Вместе с переводчиками нас было не более десяти человек, и по исполнению формальностей мы беседовали по двое и по трое. Я упомянул, что после поражения Гитлера в Соединённом Королевстве будут проведены всеобщие выборы. Сталин высказал мнение, что моя позиция прочна, “поскольку люди поймут, что им необходим руководитель, а кто может быть лучшим руководителем, чем тот, кто одержал победу”? Я объяснил, что в Англии две партии и что я принадлежу лишь к одной

из них. “Когда одна партия — это гораздо лучше”, — сказал Сталин с глубокой убеждённой уверенностью. Затем я поблагодарил его за гостеприимство, оказанное им английской парламентской делегации, посетившей недавно Россию. Сталин ответил, что проявить гостеприимство было его долгом и что ему нравятся молодые воины вроде лорда Ловата. В последние годы у него появился новый интерес в жизни — интерес к военным делам; фактически этот интерес стал у него почти единственным.

После этого президент заговорил об английской конституции. Он сказал, что я всегда твержу о том, что конституция позволяет и чего не позволяет, но что фактически нет никакой конституции, однако неписаная конституция лучше писаной. Она подобна Атлантической хартии: документа не существует, однако весь мир знает о нём. В своих бумагах он нашёл единственный экземпляр, на котором стояли его и моя подписи, однако, как это ни странно, обе подписи были сделаны его собственным почерком. Я ответил, что Атлантическая хартия — это не закон, а путеводная звезда.

Далее в разговоре Сталин упомянул о “непомерной дисциплине в кайзеровской Германии” и рассказал случай, который произошёл с ним, когда он, будучи молодым человеком, находился в Лейпциге. Он приехал вместе с 200 немецкими коммунистами на международную конференцию. Поезд прибыл на станцию точно по расписанию, однако не было контролёра, который должен был отобрать у пассажиров билеты. Поэтому все немецкие коммунисты послушно прождали два часа, прежде чем сошли с платформы. Из-за этого они не попали на заседание, ради которого приехали издалека.

223

В таких непринуждённых разговорах вечер прошёл приятно. Когда маршал собрался уходить, многие представители английской делегации собрались в вестибюле дворца, и я воскликнул: “Трижды “ура” маршалу Сталину!” Троекратное приветствие прозвучало тепло.

* * *

Во время нашего пребывания в Ялте был другой случай, когда не все прошло так гладко. Рузвельт, который давал завтрак, сказал, что он и я в секретных телеграммах всегда называем Сталина “Дядя Джо”. Я предложил, чтобы он сказал Сталину об этом в конфиденциальном разговоре, но он пошутил на этот счёт при всех. Создалось напряжённое положение. Сталин обиделся. “Когда я могу оставить этот стол?” — спросил он возмущённо. Бирнс спас положение удачным замечанием. “В конце концов, — сказал он, — ведь вы употребляете выражение “Дядя Сэм”, так почему же “Дядя Джо” звучит так уж обидно?” После этого маршал успокоился, и Молотов позднее уверял меня, что он понял шутку. Он уже знал, что за границей многие называют его “Дядя Джо”, и понял, что прозвище было дано ему дружески, в знак симпатии.

* * *

Следующий день, воскресенье 11 февраля, был последним днём нашего пребывания в Крыму. Президент торопился на родину и хотел по дороге заехать в Египет, чтобы обсудить дела Среднего Востока с властелинами этих стран. Сталин и я позавтракали с ним в бывшей бильярдной царя в Ливадийском дворце. За завтраком мы подписали заключительные документы и официальные

коммунике. Теперь все зависело от духа, в котором они будут проводиться в жизнь.

* * *

В тот же день Сара¹ и я выехали в Севастополь.

Мне захотелось посмотреть поле битвы у Балаклавы². Днём 13 февраля я побывал там вместе с начальниками штабов и русским адмиралом, командующим Черноморским флотом. Оглядывая местность, можно было представить себе ситуацию, с которой столкнулся лорд Реглан около 90 лет назад. Мы посетили его могилу утром и были очень поражены заботливостью и вниманием, с которыми за ней ухаживали русские.

¹ Дочь Черчилля. — Примеч. ред.

² Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг. — Примеч. ред.

224

Утром 14 февраля мы выехали автомобилем в Саки, где нас ожидал наш самолет. На аэродроме был выстроен величественный почетный караул из войск НКВД. Я произвел им смотр в своей обычной манере, заглядывая каждому солдату в глаза. Мы долетели до Афин без всяких приключений. 15 февраля мы вылетели на моем самолёте в Египет. В Александрии я сел на английский военный корабль “Орора”. Я не принимал участия в переговорах президента с теми властелинами стран Среднего Востока, которые были приглашены для встречи с ним — королем Фаруком, Хайле Селассие и ИбнСаудом. После отъезда наших американских друзей я договорился о встрече с Ибн-Саудом.

Король Ибн-Сауд произвел сильное впечатление. Я был глубоко восхищён его неизменной верностью нам. Он всегда проявлял себя наилучшим образом в самые мрачные часы.

Мы вернулись в Каир. Я пробыл несколько дней на вилле Кэзи и вел беседы с королем Фаруком и президентом Сирии, в ходе которых мы обсуждали недавние затруднения на Среднем Востоке.

19 февраля я прилетел в Англию.

* * *

27 февраля я предложил палате общин одобрить результаты Крымской конференции.

Вопрос о Польше беспокоил палату. Я сказал:

“Маршал Сталин и Советский Союз дали самые торжественные заверения в том, что суверенная независимость Польши будет сохраняться, и к этому решению теперь присоединились Великобритания и США”.

Я считал себя обязанным провозгласить свою веру в добросовестность Советов, надеясь обеспечить ее. К этому меня поощрило поведение Сталина в отношении Греции. Я сказал:

“Впечатление, сложившееся у меня после поездки в Крым и после всех других встреч, таково, что маршал Сталин и советские лидеры желают жить в почётной дружбе и равенстве с западными демократиями. Я считаю также, что они — хозяева своего слова. Мне не известно ни одно правительство, которое выполняло бы свои обязательства, даже в ущерб самому себе, более точно, нежели русское Советское правительство. Я категорически отказываюсь пускаться здесь в дискуссии относительно добросовестности русских.

Совершенно очевидно, что эти вопросы касаются всей будущности земного шара. Действительно, судьба человечества была бы мрачной в случае возникновения какого-либо ужасного раскола между западными демократиями и русским Советским Союзом...”

225

---

* * *

Общая реакция палаты выразилась в безоговорочной поддержке той позиции, которую мы заняли на Крымской конференции. В ходе голосования на другой день мы получили подавляющее большинство, однако 25 членов палаты — по большей части консерваторы — голосовали против правительства, а, кроме того, 11 членов правительства воздержались от голосования.

Тем, на кого возложена обязанность справляться с положением в дни войны или кризиса, не дозволено ограничиваться исключительно заявлениями об общих принципах, с которыми соглашаются хорошие люди. Им приходится изо дня в день принимать определённые решения. Им приходится занимать позиции, которые затем надо упорно отстаивать, ибо как же иначе можно сохранить те или иные союзы, необходимые для действий? После того как немцы разбиты, легко осуждать тех, кто всеми силами старался поощрить военные усилия русских и сохранять дружеский контакт с нашим великим союзником, который так ужасно пострадал. Что случилось бы, если бы мы поссорились с Россией в то время, когда немцы все еще имели триста—четыреста дивизий на полях сражений? Наши надежды вскоре нас обманули, но все же в то время у нас не могло быть иных надежд.